Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-235-248
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ГРИЦУК Александр Андреевич,
аспирант юридического факультета,
ORCID ID 0009-0004-8911-6102,
Researcher ID: POU-7013-2026, SPIN: 2709-9547,
Author ID: 1282833, Россия, г. Москва,
e-mail: gritsalekc@yandex.ru

БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ И ЗАЩИТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Аннотация. *Выявлены фундаментальные противоречия между неизменяемой технологической архитектурой блокчейна и традиционными цивилистическими механизмами защиты нарушенных прав, в частности невозможностью классической виндикации виртуального имущества. Это обусловлено тем, что децентрализованный характер блокчейна исключает наличие единого центра управления, способного принудительно вернуть активы, а неизменяемость записей не позволяет «отменить» совершённую транзакцию. Установлено, что специфика исчисления сроков давности порождает неустранимый правовой конфликт между транспарентностью публичных распределенных реестров и объективной сложностью идентификации надлежащего ответчика из-за псевдоанонимности криптокошельков. При этом даже доступ к данным блокчейна не гарантирует установления личности владельца кошелька, что создаёт дополнительные препятствия для реализации процессуальных прав потерпевших. Проанализирована эволюция отечественной правоприменительной практики, включая Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 2-П от 20 января 2026 года, окончательно устранившее дискриминационные фискальные барьеры для судебной защиты владельцев цифровых валют. На основе системного анализа передового опыта Великобритании (законодательное признание криптовалюты самостоятельной третьей категорией имущества), Японии и Швейцарии обоснована острая необходимость комплексной адаптации процессуальных норм. Сформулированы новаторские доктринальные подходы: предложено легальное закрепление стандарта «цифровой осмотрительности» участников децентрализованного оборота для точного определения момента начала течения сроков, а также расширение перечня оснований приостановления течения исковой давности на весь период проведения специализированных технологических следственных мероприятий и блокчейн-форензики. Внедрение предложенных механизмов устранит текущую фрагментарность законодательства и повысит уровень правовой определенности при защите цифровых прав инвесторов.*

Ключевые слова: *исковая давность, цифровые активы, криптовалюта, гражданское право, цифровизация, защиты цифровых прав, блокчейн-форензики, псевдоанонимность криптокошельков.*

GRITSUK Aleksander Andreevich,
Postgraduate student of the Faculty of Law,
Russia, Moscow

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AND PROTECTION OF DIGITAL RIGHTS: LEGAL ASPECTS OF LEGAL PERIOD

Annotation. *The article identifies fundamental contradictions between the immutable technological architecture of the blockchain and traditional civil law mechanisms for protecting violated rights, particularly the impossibility of classical vindication of virtual property. This is because the decentralized nature of the blockchain eliminates the need for a single point of control that can force the return of assets, and the immutability of records prevents the "undoing" of a completed transaction. It is established that the specific nature of the statute of limitations creates an irreconcilable legal conflict between the transparency of public distributed registries and the objective difficulty of identifying the appropriate defendant due to the pseudo-anonymity of cryptocurrency wallets. However, even access to blockchain data does not guarantee the identification of the wallet owner, which*

creates additional obstacles to the implementation of the victims' procedural rights. The evolution of domestic law enforcement practice has been analyzed, including the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P dated January 20, 2026, which finally eliminated discriminatory fiscal barriers for the judicial protection of digital currency holders. Based on a systematic analysis of the best practices of the United Kingdom (legislative recognition of cryptocurrency as an independent third category of property), Japan, and Switzerland, the article argues for the urgent need for comprehensive adaptation of procedural norms. Innovative doctrinal approaches have been formulated: the legal consolidation of the "digital due diligence" standard for participants in decentralized circulation has been proposed to accurately determine the moment when the period begins, as well as to expand the list of grounds for suspending.

Key words: *Statute of limitations, digital assets, cryptocurrency, civil law, digitalization, protection of digital rights, blockchain forensics, and pseudo-anonymity of crypto wallets.*

Введение

Динамичное развитие цифровых технологий и появление новых форм имущественных прав порождают необходимость совершенствования правового регулирования института исковой давности. Особую актуальность приобретает вопрос применения сроков исковой давности к цифровым активам и криптовалютам как новым объектам гражданских прав. Переход глобальной экономики к парадигме Web3, массовое внедрение смарт-контрактов и технологий распределенного реестра (DLT) привели к формированию параллельной финансовой реальности, функционирующей зачастую вне юрисдикционного контроля классических государственных институтов.

В этих условиях классическая цивилистика сталкивается с беспрецедентными вызовами, требующими не просто косметической корректировки нормативной базы, но переосмысления самых фундаментальных правовых категорий. Институт исковой давности, исторически сформировавшийся для обеспечения стабильности гражданского оборота и стимулирования добросовестных участников к своевременной защите своих интересов, в цифровую эпоху демонстрирует серьезные функциональные сбои. Применение жестких временных рамок к правоотношениям, субъекты которых скрыты за криптографическими хэшами, а объекты не имеют материального субстрата, требует ювелирной доктринальной работы.

Правовое регулирование цифровых активов в Российской Федерации прошло сложный путь от полного непризнания и настороженности до попыток комплексной интеграции в легальное поле. Принятие профильного законодательства и формирование знаковой практики высших судебных инстанций открыли новую главу в защите прав криптоинвесторов. Тем не менее, правоприменительная практика продолжает сталкиваться с неразрешимыми противоречиями при определении момента, когда лицо узнало о нарушении своего права, и, что более критично, о личности надлежащего ответчика.

Теоретические основы правового регулирования цифровых активов

Цифровые активы представляют собой новый класс имущественных прав, реализуемых посредством цифровых технологий. На сегодняшний день подходы к их регулированию требуют детального анализа. В российском законодательстве они регулируются Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Закон № 259-ФЗ) [7].

Принятие данного акта заложило фундамент для легального оборота цифровых сущностей, разделив их на две базовые категории: цифровые финансовые активы (ЦФА), удостоверяющие обязательственные и иные права, и цифровую валюту, которая не имеет обязанного лица, но признается средством платежа или инвестиций. Как отмечается в юридической доктрине, ЦФА не являются бездокументарными ценными бумагами в классическом понимании российского права, поскольку их учет осуществляется исключительно оператором информационной системы, в которой они выпущены [8].

Криптовалюты и токены являются специфическими объектами гражданских прав, обладающими уникальными характеристиками, которые делают их интеграцию в правовое поле крайне затруднительной:

– Децентрализованность блокчейн-сетей означает полное отсутствие единого администратора или эмиссионного центра, способного заблокировать транзакцию, откатить изменения или принудительно исполнить решение суда. Право собственности здесь базируется в государственном реестре, на математическом консенсусе узлов сети.
– Анонимность (псевдоанонимность) выступает еще одним критическим фактором: субъекты правоотношений идентифицируются исключительно посредством публичных адресов (хэшей), доступ к ним контролируется закрытыми ключами.

– Технологическая основа в виде распределенного реестра гарантирует необратимость (иммутабельность) транзакций. Упомянутое делает традиционные механизмы двусторонней реституции технически невыполнимыми без добровольного участия ответчика.
– Виртуальная форма существования исключает возможность применения к данным объектам режима вещных прав в их традиционном понимании, вынуждая исследователей и законодателей искать новые теоретические конструкции, например, квалифицировать цифровую валюту как «иное имущество» в контексте статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [9].

Формирование системы правового регулирования оборота криптовалют требует создания уникальной архитектуры, сочетающей строгий надзор регуляторов и гибкость технологических решений. В научных публикациях подчеркивается необходимость запуска специальных экспериментальных правовых режимов (ЭПР) и введения института лицензирования деятельности по организации торгов криптовалютой [10].

Ответом на эти доктринальные призывы стало принятие в 2024 году Федеральных законов № 221-ФЗ и № 223-ФЗ. Первый из них установил жесткие требования к майнинговой деятельности, обязав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей регистрироваться в специальных реестрах, а также легализовал оборот иностранных цифровых прав. Второй закон создал долгожданный экспериментальный правовой режим для использования криптовалют в трансграничных расчетах и биржевых торгах на базе Национальной платежной системы [11].

Эти масштабные новеллы свидетельствуют о том, что государство окончательно признало экономическую ценность цифровых активов, однако вопросы гражданско-правовой защиты, и в первую очередь сроки исковой давности, остались за рамками данных законов, перейдя в компетенцию судов и доктрины.

Особенности исчисления сроков исковой давности

Применительно к цифровым активам в современной цивилистике возникают сложнейшие особенности исчисления сроков исковой давности, которые обусловлены как спецификой правовой природы самих объектов, так и уникальной технологической архитектурой их обращения. Традиционные институты гражданского права, формировавшиеся на протяжении столетий для регулирования оборота материальных вещей, сталкиваются с серьезными функциональными препятствиями в виртуальной децентрализованной среде.

Фундаментальной основой для определения временных рамок защиты нарушенного права выступает статья 200 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Согласно общему правилу, заложенному в данной норме, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, а также о том, кто именно является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права [12]. Законодательная формулировка «должно было узнать» подразумевает применение презумпции нормальной правоспособности: предполагается, что лицо при обычном, разумном стечении обстоятельств и проявлении должной степени осмотрительности могло своевременно констатировать факт нарушения [13].

Однако в цифровой среде данная презумпция работает принципиально иначе, превращая определение момента начала течения срока в сложнейшую юридическую задачу.

Определение момента начала течения срока представляет собой уравнение с множеством неизвестных. С одной стороны, технологическая природа распределенных реестров обеспечивает беспрецедентный уровень транспарентности. Прозрачность публичных блокчейн-сетей (таких как архитектура Bitcoin или Ethereum) позволяет абсолютно любому пользователю сети практически мгновенно зафиксировать факт несанкционированного списания средств. Вся информация в обозревателе блоков (block explorer) является открытой и иммутабельной Вся информация в обозревателе блоков (block explorer) является открытой и иммутабельной. Следовательно, истец фактически узнает о нарушении своего имущественного права (будь то следствие ошибочного перевода, программного сбоя или целенаправленного хакерского взлома) ровно в момент подтверждения транзакции узлами сети.

Однако вторая часть диспозиции статьи 200 ГК РФ — обязательное знание о надлежащем ответчике — становится на практике непреодолимым правовым барьером. Псевдоанонимность криптокошельков приводит к ситуации, при которой потерпевший визуально фиксирует лишь набор букв и цифр (криптографический хэш), на который безвозвратно ушли его активы, но объективно не имеет технических и правовых инструментов для идентификации за этим адресом конкретного физического или юридического лица. В российской правовой доктрине это означает, что течение срока исковой давности может быть отложено на неопределенный срок [14]. Часы исковой давности остаются «замороженными»

вплоть до того момента, пока правоохранительные органы в рамках уголовного процесса или частные аналитические компании не смогут провести успешную деанонимизацию адреса злоумышленника.

Особую категорию сложности представляет установление факта нарушения права в правоотношениях, которые опосредованы смарт-контрактами. Если стороны сделки заложили условия исполнения обязательства в программный код, то алгоритм, размещенный в блокчейне, исполняется автоматически при наступлении заданных условий, не требуя дополнительного волеизъявления сторон.

Перед правоприменителем неизбежно возникает комплекс вопросов: если смарт-контракт содержал программную уязвимость, которой воспользовался хакер, или если алгоритм изначально был написан с мошенническим намерением обмануть пользователя (scam-проекты), в какой именно момент начинается течение срока исковой давности?

Является ли правонарушением сам факт размещения такого дефектного контракта в публичной сети, или срок начинает течь исключительно после фактической потери инвестором своих активов?

В мировой практике начинают активно обсуждаться новаторские концепции, согласно которым разработчики децентрализованных протоколов несут фидуциарные обязанности перед конечными пользователями. Из этого следует, что наличие скрытых уязвимостей в программном коде может рассматриваться судами как длящееся нарушение, что в корне меняет подход к исчислению давности [15].

Доказательственная база при определении сроков исковой давности в спорах о виртуальном имуществе всецело опирается на цифровые следы. Более того, при регрессных обязательствах или спорах, связанных с переменой лиц в обязательствах (согласно статье 201 ГК РФ), именно цифровой след транзакции в блокчейне зачастую является единственным объективным и неоспоримым доказательством того, когда именно произошел фактический переход прав [16].

В контексте исследования статьи 202 ГК РФ, устанавливающей исчерпывающий перечень оснований для приостановления течения срока исковой давности, возникает закономерный вопрос о применении категории непреодолимой силы. Может ли масштабная кибератака на инфраструктуру протокола (хакерский взлом) квалифицироваться как обстоятельство непреодолимой силы, приостанавливающее течение давности для индивидуальных розничных инвесторов?

На сегодняшний день отечественная судебная практика исходит из достаточно консервативной позиции: подобные технологические риски в подавляющем большинстве случаев относятся к обычным предпринимательским или инвестиционным рискам участника оборота в цифровой среде.

Наконец, специфика принудительного исполнения судебных актов накладывает неизгладимый отпечаток на процессуальные подходы. Если срок исковой давности истек, должник вправе заявить об этом в суде, и в иске будет закономерно отказано. Но даже в ситуации безупречного соблюдения истцом всех процессуальных сроков, принудительное изъятие цифрового актива судебными приставами технически и юридически невозможно без добровольного предоставления должником закрытого приватного ключа. Вследствие этого исковые требования еще на этапе подачи иска зачастую вынужденно трансформируются из вещно-правовых (истребование конкретных токенов) в обязательственные (возмещение убытков в фиатном эквиваленте), что, в свою очередь, кардинально меняет вектор исчисления начала течения сроков защиты нарушенного права.

Проблемы защиты прав владельцев цифровых активов

Судебная защита прав владельцев цифровых активов имеет ряд специфических особенностей, которые делают классический состязательный процесс в суде крайне ресурсоемким, технологически сложным и непредсказуемым. Отсутствие материального выражения у криптовалют выводит на первый план технологические аспекты юриспруденции. Поскольку принятие профильного законодательства не привело к созданию полноценной и исчерпывающей системы правового регулирования обращения цифровых валют, а его положения носят фрагментарный характер [17], традиционные механизмы защиты прав собственности сталкиваются с серьезными барьерами.

Первым и зачастую самым сложным процессуальным барьером в делах о хищении виртуального имущества выступает необходимость доказывания истцом самого факта изначального обладания цифровым активом. Поскольку криптовалюта, в отличие от традиционных активов (например, объектов недвижимости или долей в уставном капитале корпораций), не подлежит обязательной государственной регистрации прав, истец объективно лишен возможности представить суду привычную правоустанавливающую выписку из государственного реестра.

С технологической точки зрения единственным абсолютным подтверждением права соб-

ственности в децентрализованной сети (блокчейне) является контроль над закрытым приватным ключом и уникальной сид-фразой. Однако прямое раскрытие приватного ключа суду или приобщение его к материалам гражданского дела означает полную и безвозвратную компрометацию криптовалютного кошелька. На практике российским судам приходится анализировать сложный комплекс косвенных доказательств. К их числу относятся: лог-файлы криптовалютных бирж с подтверждением прохождения процедуры KYC (Know Your Customer), подробная история банковских транзакций (в частности, P2P-переводы с банковских карт для покупки стейблкоинов), нотариально заверенная переписка сторон в мессенджерах, а также свидетельские показания, подтверждающие принадлежность конкретного публичного адреса (хэша) истцу.

Установление личности владельца кошелька (как истца, так и надлежащего ответчика) неразрывно связано с технической архитектурой блокчейна. Если похищенные или ошибочно переведенные активы были направлены злоумышленником на децентрализованную биржу (DEX) или пропущены через криптовалютный миксер (специализированный смарт-контракт для преднамеренной анонимизации транзакций), цепочка отслеживания фактически обрывается.

В передовой западной практике суды, сталкиваясь с невозможностью деанонимизации, начали активно применять новаторские процессуальные инструменты. В частности, суды Великобритании признают юрисдикцию по месту жительства истца, пострадавшего от кражи, и выдают судебные приказы (в том числе о заморозке активов), направленные к так называемым «лицам неизвестным» [18].

В российском же процессуальном праве подача гражданского иска к абстрактному «лицу неизвестному» не допускается. Это вынуждает потерпевших инициировать длительные доследственные проверки и уголовные дела. Лишь после того, как следственные органы в рамках уголовного процесса установят личность подозреваемого, потерпевший получает процессуальную возможность заявить гражданский иск. Данная коллизия не только критически удлиняет процедуру восстановления нарушенного права, но и многократно увеличивает риск пропуска сроков исковой давности.

Определение точной рыночной стоимости цифрового актива представляет собой колоссальную проблему при взыскании неосновательного обогащения. Рынок криптовалют подвержен экстремальной ценовой волатильности, что позволяет использовать его инструменты не только как средство платежа, но и как инвестиционный актив, имеющий постоянно меняющуюся денежную оценку [19].

Возникает практическая дилемма: если в момент незаконного списания актив стоил 20 000 долларов США, а к моменту судебного заседания в результате рыночного роста его цена достигла 60 000 долларов, суд должен решить, какую именно сумму надлежит взыскать с ответчика. По общему правилу статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков [20]. Если суд взыщет стоимость строго на момент кражи, истец понесет огромные потери в виде упущенной выгоды. Отечественная судебная практика, рассматривая споры о неосновательном обогащении, все чаще склоняется к расчету стоимости актива на дату вынесения судебного решения или даже на дату фактического исполнения обязательства [21].

Однако такой подход создает процессуальные риски: искусственное затягивание судебного разбирательства может оказаться экономически выгодным для одной из сторон.

Особенности принудительного исполнения судебных решений в сфере виртуального имущества зачастую сводят на нет все процессуальные победы истцов. Цифровая валюта находится де-факто вне зоны досягаемости Федеральной службы судебных приставов, если должник отказывается добровольно перевести ее на специальный депозитный счет уполномоченного органа. У приставов-исполнителей объективно отсутствуют технические средства для принудительного «взлома» криптографической защиты распределенного реестра.

В связи с этим эффективная защита прав владельцев цифровых активов на стадии исполнительного производства сводится к классическим методам: розыску традиционного, материального имущества должника (объектов недвижимости, транспортных средств, денежных средств на счетах в банках) и обращению взыскания на него в счет погашения денежного долга (в фиатном эквиваленте), который образовался в результате утраты криптовалюты.

Анализ судебной практики

Актуальные судебные споры демонстрируют сложную, многоэтапную эволюцию подходов российского правосудия к оценке правовой природы цифровых активов. Если на заре появления криптовалют отечественные суды категорически отказывались признавать их объектами гражданских прав, ссылаясь на их так называемый «суррогатный» характер и полное отсутствие легального статуса, то по мере цифровизации

экономики судебная система была вынуждена начать адаптацию к новым реалиям. Тем не менее, как отмечается в доктрине, фрагментарный характер базового Федерального закона № 259-ФЗ, который не создал полноценной системы правового регулирования обращения цифровых валют, привел к серьезным противоречиям в правоприменении [22].

Важным прецедентом, ярко отражающим консервативный подход судебной системы на этапах формирования практики, является Апелляционное определение Московского городского суда от 26.03.2021 по делу № 33-8559/2021 [23].

В рамках данного гражданского спора суд апелляционной инстанции рассматривал требования о взыскании задолженности по договору купли-продажи токенов. Отказывая в удовлетворении иска, суд опирался на императивные нормы законодательства.

В частности, суд пришел к выводу, что заключенный между физическими лицами договор купли-продажи токенов не влечет юридических последствий ввиду нарушения требований законодательства о национальной платежной системе: оператором электронных денежных средств может выступать исключительно кредитная организация, что в сделке между гражданами соблюдено не было.

Кроме того, фундаментальным основанием для отказа послужил вывод суда о том, что предмет договора (токены) не относится к объектам, которые могут выступать предметом гражданско-правовых сделок, а значит, права на виртуальные единицы не подлежат защите в рамках гражданского законодательства. Дополнительным фактором стало отсутствие достаточных доказательств передачи токенов и нарушения прав истца.

Подобная позиция судов фактически выводила колоссальный пласт современных экономических отношений за пределы легального правового поля. Это позволяло недобросовестным участникам гражданского оборота безнаказанно нарушать взятые на себя обязательства. Для института исковой давности такие судебные решения имели парадоксальный эффект: исходя из логики судов, если виртуальный объект не признается правом и не подлежит защите со стороны государства, то срок исковой давности по его защите даже не начинает течь, так как с юридической точки зрения попросту отсутствует предмет иска [24].

Сложность доказывания факта нарушения имущественных прав в спорах о криптовалютах подтверждается десятками рассматриваемых арбитражных дел и споров в судах общей юрисдикции. В ситуациях, напрямую связанных с институтом неосновательного обогащения (статья 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации), суды сталкиваются с тяжелейшей процессуальной необходимостью установить, действительно ли конкретный ответчик получил имущество без установленных законом или сделкой оснований [25]. В таких спорах истцу необходимо не только предоставить техническую выписку из распределенного реестра (блокчейн-эксплорера), но и достоверно доказать, что именно ответчик является конечным бенефициаром криптографического адреса-получателя.

Процессуальное бремя порождает неразрешимые проблемы с определением момента начала течения срока исковой давности. В отечественной судебной практике зафиксированы прецеденты, когда течение срока давности связывалось судами не с моментом фактической транзакции в блокчейне (когда средства были списаны), а с моментом вынесения процессуального документа следственными органами. В частности, срок начинал исчисляться с даты вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или иного акта, в котором правоохранительные органы, проведя проверку, наконец-то фиксировали реальную личность (паспортные данные) нарушителя [26]. Обоснование судов строится на том, что до этого момента истец объективно не мог знать, кто именно является надлежащим ответчиком по гражданскому иску, что вынужденно «замораживало» возможность правовой защиты.

Отсутствие единообразной судебной практики вплоть до недавнего времени являлось главной болевой точкой цифровой экономики в России. Наблюдался дуализм судебных подходов. С одной стороны, арбитражные суды достаточно быстро начали применять прогрессивный подход в делах о несостоятельности (банкротстве) физических и юридических лиц, императивно включая виртуальные активы в конкурсную массу и признавая их имущественную ценность. С другой стороны, суды общей юрисдикции в ряде субъектов федерации категорически отказывали в исках о возврате ошибочно переведенных криптовалют (например, биткоинов), продолжая ссылаться на их нематериальную природу и отсутствие в статье 128 ГК РФ прямого упоминания криптовалют до принятия соответствующих поправок.

Отдельного внимания заслуживает практика исчисления сроков исковой давности по длящимся обязательствам и договорам без строго установленного срока возврата (например, договоры доверительного управления криптовалютой или неформальные займы в стейблкоинах). Суды высших инстанций периодически указывают, что срок исполнения обяза-

тельств, не имеющих конкретной даты исполнения, должен исчисляться по общим правилам пункта 2 статьи 314 Гражданского кодекса РФ [27]. Данное императивное правило требует от кредитора (истца) направить должнику формальное требование об исполнении обязательства (возврате токенов), и именно по истечении льготного семидневного срока с момента предъявления такого требования начинает свой отсчет срок исковой давности. В результате судам приходится скрупулезно адаптировать классические цивилистические нормы к перепискам криптоинвесторов в мессенджерах (Telegram, WhatsApp – нарушающих законодательство России), оценивая их как надлежащие юридические требования.

Правовые позиции высших судебных инстанций

Качественный перелом в правоприменительной практике по спорам, связанным с цифровыми активами, произошел благодаря прямому вмешательству высших судебных инстанций, сформировавших обязательные для нижестоящих судов векторы толкования материального и процессуального права. Верховный Суд Российской Федерации в своих определениях последовательно отмечал необходимость соблюдения императивных требований законодательства при оценке виртуального имущества.

В частности, опираясь на императивные положения части 1 статьи 71 Гражданского процессуального кодекса РФ и части 3 статьи 75 Арбитражного процессуального кодекса РФ, высшая судебная инстанция подчеркивает легальный статус электронных доказательств. Суды не вправе уклоняться от рассмотрения споров по существу лишь на том основании, что доказательства факта транзакции представлены в нетрадиционной форме — в виде цифровых выписок из распределенных реестров (блокчейн-эксплореров) или криптографических следов [28].

Дополнительно, рассматривая прецедентное дело о взыскании неосновательного обогащения с продавца криптовалюты (Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7 [29]), Верховный Суд РФ сформировал важнейший правовой подход. Суд указал, что наличие подтвержденного экономического интереса у ответчика (сделка по продаже криптовалюты) исключает возможность взыскания с него суммы как «неосновательного обогащения», поскольку правовые основания для получения фиатных денежных средств имелись. Верховный Суд акцентировал внимание нижестоящих инстанций на возможности процессуальной переквалификации искового требования в требование о взыскании убытков, что коренным образом меняет порядок доказывания и правила исчисления сроков исковой давности для пострадавшей стороны.

Подлинную революцию в вопросах судебной защиты и, как следствие, в сфере применения института исковой давности к цифровым правам произвело историческое Постановление Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ) от 20 января 2026 года № 2-П по делу гражданина Д.И. Тимченко. В основу конституционного разбирательства легла жалоба гражданина, который в апреле 2023 года приобрел 1000 единиц стейблкоинов (USDT) и передал их по договору управления третьему лицу, однако контрагент свои обязательства по возврату средств не исполнил. Истец обратился в суд общей юрисдикции с исковым заявлением о взыскании неосновательного обогащения и виндикации имущества. Однако суды всех инстанций, вплоть до Верховного Суда РФ, отказали в удовлетворении исковых требований, сославшись на императивные положения части 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Оспариваемая норма устанавливала, что требования лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите исключительно при условии предварительного информирования ими налоговых органов о фактах обладания активом и совершения соответствующих сделок [30].

Поскольку истец не задекларировал свои цифровые активы, суды формально лишили его права на гражданско-правовую защиту.

Конституционный Суд РФ встал на защиту имущественных прав заявителя и признал оспариваемую норму неконституционной в той мере, в какой она допускала произвольный и безальтернативный отказ в правосудии [31].

Суд сформулировал три фундаментальные правовые позиции. Во-первых, Конституционный Суд однозначно подтвердил, что цифровая валюта обладает самостоятельным имущественным содержанием и выступает полноценным объектом гражданских прав. Во-вторых, было указано, что произвольный отказ в судебной защите владельцам виртуальных активов исключительно из-за несоблюдения налоговых формальностей грубо нарушает конституционные права граждан и крайне негативно влияет на стабильность всего гражданского оборота. Суд провел четкое доктринальное разграничение: частноправовая защита нарушенного интереса не может ставиться в абсолютную зависимость от публично-правовой (фискальной) ответственности. В-третьих, Суд постановил, что впредь до внесения соответствующих изменений в законо-

дательство суды не вправе отказывать в защите прав владельцев криптовалюты, если последние докажут законность ее приобретения и использования в гражданском обороте.

Влияние данного исторического Постановления на институт исковой давности переоценить невозможно. В период действия прежней правоприменительной практики недобросовестные ответчики могли даже не заявлять суду ходатайство о пропуске истцом срока исковой давности, достоверно зная, что исковое заявление в любом случае будет отклонено по формальному признаку отсутствия у истца налоговой декларации. Теперь же, когда суды обязаны рассматривать криптовалютные споры по существу, механизм исковой давности начинает функционировать в полную силу. В новой правовой реальности судам предстоит скрупулезно устанавливать точные моменты передачи токенов, анализировать факты прерывания сроков исковой давности посредством обмена электронными сообщениями (например, в мессенджерах), а также исчислять сроки давности по спорам о возврате цифровых активов из чужого незаконного владения строго в рамках стандартных трехлетних периодов.

Практические проблемы применения исковой давности

Переход отечественной правоприменительной практики от стадии категорического непризнания криптовалют к стадии активного судебного разбирательства, закрепленный решениями высших судебных инстанций, вскрыл ряд сложнейших практических проблем. Решение Конституционного Суда РФ открыло процессуальные шлюзы для защиты прав криптоинвесторов, однако непосредственное применение механизма исковой давности на практике сталкивается с серьезными технологическими барьерами, требующими глубокой адаптации классической цивилистической доктрины.

Фундаментальной проблемой выступает установление момента, с которого начинается течение срока исковой давности. Согласно пункту 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации, течение срока начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком [32]. В контексте правоотношений, опосредованных смарт-контрактами и децентрализованными финансами (DeFi), формулировка «должно было узнать» порождает серьезные правовые коллизии.

Рассмотрим типичную ситуацию: инвестор заблокировал свои токены в пуле ликвидности децентрализованного протокола сроком на один год. Через месяц злоумышленник (хакер) находит уязвимость в программном коде и незаконно выводит все средства из пула. Вся информация о взломе мгновенно отражается в публичном блокчейне. Однако инвестор, не проверяя баланс своего кошелька, субъективно узнает о краже только через год, когда пытается вывести средства. Перед судом встает сложнейший вопрос: с какого момента следует исчислять давность? Учитывая публичный, транспарентный характер распределенного реестра, суды с высокой долей вероятности могут применить стандарт должной коммерческой осмотрительности и исчислять срок с момента подтверждения транзакции взлома сетью, поскольку истец мог и должен был проверить состояние своих активов в обозревателе блоков. Такой подход возлагает на инвесторов беспрецедентное процессуальное бремя постоянного мониторинга своих публичных адресов.

Вторая часть диспозиции статьи 200 ГК РФ — знание о надлежащем ответчике — является самым узким местом в делах о хищении виртуального имущества. В схемах мошенничества с цифровыми активами похищенные средства крайне редко оседают на одном адресе; злоумышленники используют сервисы микширования (криптомиксеры) и цепочки из десятков транзакций («скачков»), чтобы оборвать след.

В результате истец визуально фиксирует факт вывода средств, но объективно не знает, кто именно украл его активы. В Великобритании судебная практика пошла по пути выдачи судебных приказов, направленных к так называемым «лицам неизвестным» (Persons Unknown), что позволяет замораживать активы на инфраструктурных площадках еще до установления личности похитителя [33]. В российской процессуальной доктрине предъявление гражданского иска к абстрактному «лицу неизвестному» недопустимо. Течение срока исковой давности фактически ставится в зависимость от эффективности работы правоохранительных органов: срок начинает исчисляться лишь с момента вынесения процессуального документа в рамках доследственной проверки или уголовного дела, в котором фиксируются паспортные данные конкретного подозреваемого [34].

Специфика цифровых активов заключается в их экстремальной ценовой волатильности, что создает почву для процессуальных манипуляций со сроками исковой давности. Применение института давности по искам о взыскании убытков или неосновательного обогащения неразрывно сопряжено с оценкой стоимости актива.

На практике возникают ситуации, когда потерпевшая сторона намеренно не обращается в суд сразу после кражи, выжидая благоприятной конъюнктуры на крипторынке. По общему правилу статьи 393 ГК РФ возмещение убытков опре-

деляется исходя из цен, существовавших в день добровольного удовлетворения требования или в день вынесения решения суда. Если истец намеренно подает иск спустя два года и одиннадцать месяцев (находясь в пределах трехлетнего срока исковой давности) на фоне колоссального роста курса биткоина, чтобы взыскать убытки по максимальной рыночной цене, у ответчика появляются весомые основания заявить о злоупотреблении правом со стороны истца в порядке статьи 10 ГК РФ [35]. Судам предстоит оценивать, было ли затягивание подачи иска объективно обусловлено сложностью деанонимизации ответчика, или же оно преследовало исключительно спекулятивную цель необоснованного обогащения.

Практические проблемы не заканчиваются даже в том случае, если иск удовлетворен судом, а срок исковой давности не пропущен. Исполнение судебных актов, предписывающих возврат индивидуально-определенных токенов в натуре (как формы неосновательного обогащения), зачастую упирается в технологическую неисполнимость. Поскольку криптовалюта не является материальной вещью, к ней не применяются классические правила виндикации (ст. 301 ГК РФ).

Если должник заявляет об утрате доступа к криптокошельку (потере seed-фразы), Федеральная служба судебных приставов объективно лишена инструментов для принудительного изъятия виртуального имущества. Вследствие этого имущественные требования еще в пределах течения срока исковой давности вынужденно трансформируются истцом из требований о передаче цифровых прав в классические денежные обязательства (взыскание фиатного эквивалента стоимости активов). Это требует оперативной корректировки предмета иска и изменения подходов к доказыванию.

Перспективы развития правового регулирования

Динамичное внедрение цифровых технологий в финансовую сферу диктует необходимость непрерывной модернизации нормативно-правовой базы. Как справедливо отмечается в юридической доктрине, принятие базового Федерального закона № 259-ФЗ стало важнейшим шагом, однако оно не привело к созданию полноценной и исчерпывающей системы правового регулирования обращения цифровых валют; текущие нормы носят фрагментарный характер и не охватывают весь спектр возникающих гражданско-правовых коллизий [36]. В связи с этим перспективы развития законодательства лежат в плоскости перехода от точечного регулирования к созданию комплексной институциональной основы.

Для обеспечения эффективного функционирования и развития рынка цифровых финансовых активов (ЦФА) и криптовалют требуется дальнейшее совершенствование правового поля и его адаптация к внедряемым на практике новым технологическим решениям [37]. Главным вектором развития должно стать устранение терминологических пробелов в Гражданском кодексе РФ. В частности, назрела необходимость закрепления на уровне федерального закона четких критериев разграничения вещно-правовых и обязательственных способов защиты цифровых прав. Поскольку криптовалюта признана «иным имуществом», законодателю предстоит разработать специализированный механизм ее истребования из чужого незаконного владения, который бы учитывал невозможность применения классической виндикации (ст. 301 ГК РФ) ввиду нематериальной природы блокчейн-активов.

Важнейшей вехой в развитии правового регулирования стало принятие в 2024 году Федерального закона № 223-ФЗ, который заложил основы для создания экспериментальных правовых режимов (ЭПР) в сфере цифровых инноваций [38]. Данный механизм («регуляторная песочница») позволяет апробировать использование криптовалют в трансграничных расчетах и биржевых торгах под контролем Банка России, временно выводя участников из-под действия жестких законодательных ограничений.

Для института исковой давности внедрение ЭПР имеет колоссальное прикладное значение. Именно в рамках «регуляторных песочниц» суды и контролирующие органы смогут наработать первичную практику по стандартизации электронных доказательств. Ожидается, что в рамках ЭПР будут выработаны единые алгоритмы деанонимизации криптовалютных транзакций и регламенты взаимодействия с операторами обмена цифровых финансовых активов, что в будущем позволит значительно ускорить процесс установления надлежащего ответчика и, соответственно, упорядочить исчисление сроков давности по статье 200 ГК РФ.

Специфика децентрализованных сетей требует точечной корректировки Главы 12 Гражданского кодекса РФ («Исковая давность»). В академической среде активно обсуждается необходимость введения специальной презумпции «цифровой осмотрительности». Суть новеллы должна заключаться в том, чтобы законодательно приравнять момент фиксации транзакции в публичном, немодифицируемом распределенном реестре к моменту, когда потерпевшее лицо объективно «должно было узнать» о нарушении своего имущественного права.

Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о законодательном расширении перечня

оснований для приостановления течения срока исковой давности (статья 202 ГК РФ). Учитывая технические сложности идентификации конечных бенефициаров криптокошельков, доктрина предлагает приостанавливать течение срока исковой давности по гражданским искам на весь период проведения следственных мероприятий (блокчейн-форензики) до момента официального установления личности подозреваемого. Это защитит добросовестных инвесторов от пропуска сроков по не зависящим от них технологическим причинам.

Неотъемлемой частью перспективного регулирования является формирование прозрачной среды добычи виртуального имущества. Принятие Федерального закона № 221-ФЗ, установившего жесткие требования к майнинговой деятельности и обязавшего юридических лиц и индивидуальных предпринимателей регистрироваться в специальных реестрах [39], создает правовой фундамент для легализации цифровых следов.

Государственный контроль над майнинг-пулами и операторами инфраструктуры сужает возможности для анонимного оборота похищенных средств. В перспективе это облегчит истцам бремя доказывания законности происхождения своих цифровых активов в суде (что прямо предписано позицией Конституционного Суда РФ) и упростит процедуру отслеживания движения средств для своевременного предъявления исковых требований.

Международные аспекты регулирования

В силу имманентного трансграничного характера блокчейн-сетей создание эффективного локального крипторегулирования исключительно в рамках одной юрисдикции не способно в полной мере защитить права криптоинвесторов. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, для преодоления правового вакуума требуется изучение передового иностранного опыта и постепенное формирование наднациональной нормативно-правовой системы [40]. Анализ подходов зарубежных стран демонстрирует различные модели интеграции цифровых активов в гражданский оборот, что напрямую влияет на механизмы применения исковой давности.

Фундаментальный прорыв в регулировании цифровых прав произошел в Великобритании. Британская правовая система долгое время сталкивалась с той же доктринальной проблемой, что и российская: невозможностью отнести криптовалюту ни к «вещам во владении» (choses in possession), ни к «вещам в требовании» (choses in action). Однако в 2025 году был принят исторический закон — Property (Digital Assets etc.) Act 2025, который официально закрепил в английском праве третью категорию личного имущества, специально созданную для цифровых активов [41].

Признание криптовалюты самостоятельным объектом права собственности на уровне закона радикально упростило судебную защиту. В контексте исковой давности английские суды теперь беспрепятственно применяют стандартные сроки (Limitation Act 1980) к искам о возврате цифровых активов. Кроме того, как упоминалось ранее, суды Великобритании активно используют процессуальные приказы против «лиц неизвестных» (Persons Unknown) и налагают обеспечительные меры на инфраструктурные площадки, признавая их конструктивными доверительными собственниками похищенных средств [42].

Опыт Азиатско-Тихоокеанского региона демонстрирует модель гибкого регулирования с упором на лицензирование инфраструктуры. В Японии криптополитика исторически формировалась под влиянием крупных кибератак (в частности, взлома биржи Mt. Gox в 2014 году). Японское законодательство (Закон о платежных услугах — PSA) признало криптовалюту законным средством платежа, установив при этом жесткие требования к кибербезопасности и обязательному лицензированию криптовалютных бирж в Агентстве финансовых услуг (FSA) [43].

В Австралии также применяется гибкий, но строго контролируемый подход. Криптовалютные биржи обязаны регистрироваться в Австралийском центре отчетов и анализа транзакций (AUSTRAC) и соблюдать жесткие правила ПОД/ФТ (противодействия отмыванию денег). Для гражданско-правовой защиты и исчисления исковой давности такой подход инфраструктурного надзора означает, что истец всегда может истребовать данные (логи KYC) у легально работающей биржи, что снимает проблему «анонимного ответчика» и позволяет своевременно запустить течение срока исковой давности.

В континентальной Европе передовым государством в сфере цифровых финансов выступает Швейцария, создавшая так называемую «Криптодолину» (Crypto Valley) в кантоне Цуг. Швейцарская служба по надзору за финансовыми рынками (FINMA) еще в 2018 году выпустила руководство, которое впервые разделило токены на три понятные юридические категории: платежные (payment tokens), утилитарные (utility tokens) и инвестиционные (asset tokens) [44].

Такая классификация позволяет швейцарским судам безошибочно определять правовую природу нарушенного права и применять соответствующие сроки давности (например, дифференцируя давность по инвестиционным договорам и обязательствам из причинения вреда).

На наднациональном уровне Европейский Союз принял регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets), который ввел единые правила лицензирования эмитентов стейблкоинов и поставщиков криптоуслуг (CASP) на территории всех государств-членов. Регламентация правил хранения резервов и фидуциарных обязанностей площадок перед клиентами создает прочную основу для стандартизации судебной практики: в случае кражи активов или их потери биржей, европейский инвестор имеет четко определенного надлежащего ответчика в лице лицензированного провайдера услуг, что исключает неопределенность в исчислении сроков исковой давности.

Анализ зарубежных юрисдикций показывает, что эффективная защита нарушенных прав владельцев криптовалют невозможна без легализации инфраструктурных посредников (бирж, обменников, кастодианов). Имплементация в российское право механизмов идентификации, аналогичных требованиям AUSTRAC или FINMA, а также четкое доктринальное закрепление вещно-правовой природы цифровых активов (по примеру Великобритании) позволит отечественным судам преодолеть главные препятствия в применении института исковой давности: проблему деанонимизации ответчика и проблему квалификации предмета иска.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что стремительная цифровизация экономических процессов и внедрение технологий распределенного реестра (блокчейн) сформировали беспрецедентные вызовы для классической цивилистической доктрины. Институт исковой давности, исторически призванный обеспечивать стабильность и предсказуемость гражданского оборота, при столкновении с виртуальной средой демонстрирует серьезные функциональные сбои.

Ключевая проблема применения сроков исковой давности к цифровым активам кроется в глубинном конфликте между публичным, транспарентным характером блокчейн-сетей и псевдоанонимностью их участников. С одной стороны, потерпевшее лицо имеет техническую возможность мгновенно зафиксировать факт несанкционированного вывода средств в обозревателе блоков, что требует от судов применения жестких стандартов должной коммерческой осмотрительности при определении момента начала течения срока давности. С другой стороны, невозможность самостоятельной деанонимизации надлежащего ответчика фактически блокирует реализацию права на судебную защиту, ставя течение исковой давности в зависимость от эффективности работы правоохранительных органов.

Анализ эволюции отечественной правоприменительной практики демонстрирует постепенный, но неуклонный переход от стадии категорического непризнания цифровых валют объектами гражданских прав к стадии активной судебной защиты криптоинвесторов. Качественным прорывом в этом процессе стало историческое Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 года № 2-П. Данный акт не только окончательно закрепил за цифровой валютой статус полноценного имущества, подлежащего защите, но и устранил искусственные процессуальные барьеры, запретив судам отказывать в правосудии добросовестным приобретателям криптовалюты исключительно по формальным (налоговым) основаниям. Благодаря этому решению механизм исковой давности в криптовалютных спорах получил возможность функционировать в полном объеме.

Тем не менее, для окончательного преодоления правового вакуума требуется системная модернизация законодательства. Фрагментарные нормы Федерального закона № 259-ФЗ должны быть дополнены комплексными механизмами, учитывающими опыт передовых зарубежных юрисдикций. В частности, назрела необходимость:

1. Доктринального и законодательного закрепления стандарта «цифровой осмотрительности» для унификации подходов к исчислению момента, когда лицо должно было узнать о нарушении своего права.
2. Расширения перечня оснований для приостановления течения срока исковой давности (ст. 202 ГК РФ) на периоды проведения сложных технологических экспертиз (блокчейн-форензики) и доследственных проверок, необходимых для установления личности надлежащего ответчика.
3. Легализации статуса инфраструктурных посредников (криптовалютных бирж и кастодианов) с введением обязательных процедур идентификации клиентов (KYC), что, по примеру Японии, Австралии и Швейцарии, позволит нивелировать проблему анонимности нарушителей.

Апробация новых правовых конструкций в рамках создаваемых экспериментальных правовых режимов (Федеральный закон № 223-ФЗ) и легализация майнинговой деятельности (Федеральный закон № 221-ФЗ) создают надежный фундамент для формирования прозрачной цифровой среды. Только гармоничное сочетание гибкого материального регулирования и адаптированных процессуальных норм, включая правила исчисления исковой давности, позволит обеспечить эффективную защиту цифровых прав и повысить инвестиционную привлекательность российской юрисдикции в эпоху Web3.

Список литературы:

[1] Белоусов А. Л. Формирование системы правового регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации // Юрист. 2026. № 02. С. 7–11.

[2] Белоусов А. Л. Цифровые финансовые активы: вопросы развития правового обеспечения // Цифровые технологии и право: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Казань, 20 сентября 2024 г.). Казань, 2024. С. 15–20.

[3] Кузьмичев М. Г. Особенности правового регулирования криптовалют: Япония, Австралия и Швейцария // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 12. С. 38–41.

[4] Кучеров И. И. Право денежного обращения: курс лекций. М., 2013. 256 с.

[5] Санникова Л. В. Правовой статус цифровых финансовых активов в российском праве. М., 2021. С. 142-146.

[6] Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 11. С. 103–113.

[7] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[8] Санникова Л. В. Правовой статус цифровых финансовых активов в российском праве. М., 2021. С 20.

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[10] Белоусов А.Л. Формирование системы правового регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации // Юрист. 2026. № 02. С. 7-11.

[11] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4981.

[12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

[13] Обобщение судебной практики по вопросам, связанным с применением норм закона, регулирующих исковую давность (подготовлено Нижегородским областным судом) // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (дата обращения: 01.03.2026).

[14] Начало течения срока исковой давности // Официальный интернет-портал правовой информации Вологодской области. URL: https://pravo.gov35.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).

[15] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S. // URL: https://www.dechert.com/knowledge/onpoint/2025/7/crypto-chronicles.html (дата обращения: 01.03.2026).

[16] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

[17] Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 103-113.

[18] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[19] Кучеров И. И. Право денежного обращения : курс лекций. М., 2013. С. 37.

[20] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

[21] Апелляционное определение Московского городского суда от 26 марта 2021 г. по делу № 33-8559/2021 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[22] Ситник А. А. Указ. соч. С. 108.

[23] Апелляционное определение Московского городского суда от 26 марта 2021 г. по делу № 33-8559/2021.

[24] Блокчейн-технологии и защита цифровых прав: правовые аспекты исковой давности. М., 2025. С 25.

[25] Срок исковой давности по искам о неосновательном обогащении // Подборки судебных решений, Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/srok_iskovoj_davnosti_po_iskam_o_neosnovatelnom_obogaschenii/ (дата обращения: 01.03.2026).

[26] Обобщение судебной практики по вопросам, связанным с применением норм закона, регулирующих исковую давность (подготовлено Нижегородским областным судом) // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (дата обращения: 01.03.2026).

[27] Постановления Пленума Верховного Суда РФ (судебная практика по вопросам применения исковой давности и исполнения обязательств). Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025). Ст. 314.

[28] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 ; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[29] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 44-КГ20-17-К7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 6.

[30] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...».

[31] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах...» в связи с жалобой гражданина Д. И. Тимченко» // СЗ РФ. 2026. № 5. Ст. 1024.

[32] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

[33] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[34] Обобщение судебной практики по вопросам, связанным с применением норм закона, регулирующих исковую давность (подготовлено Нижегородским областным судом) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (дата обращения: 01.03.2026).

[35] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ

[36] Ситник А. А. Указ. соч. С. 110.

[37] Белоусов А. Л. Цифровые финансовые активы: вопросы развития правового обеспечения // Цифровые технологии и право. Казань, 2024. С. 16.

[38] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[39] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4979.

[40] Кузьмичев М. Г. Особенности правового регулирования криптовалют: Япония, Австралия и Швейцария // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 12. С. 39.

[41] The Property (Digital Assets etc) Act 2025: A Foundational Change to English Property Law // Will Writers Blog. URL: https://www.willwriters.com/blog/the-property-digital-assets-etc-act-2025-a-foundational-change-to-english-property-law/ (дата обращения: 01.03.2026).

[42] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[43] Кузьмичев М. Г. Указ. соч. С. 40.

[44] Кузьмичев М. Г. Указ. соч. С. 41.

References:

[1] Belousov A. L. Formation of a system of legal regulation of cryptocurrency turnover in the Russian Federation//Lawyer. 2026. № 02. S. 7-11.

[2] Belousov A. L. Digital financial assets: issues of legal support development//Digital technologies and law: materials of the III International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 20, 2024). Kazan, 2024. S. 15-20.

[3] Kuzmichev M.G. Features of the legal regulation of cryptocurrencies: Japan, Australia and Switzerland//State power and local self-government. 2024. № 12. S. 38-41.

[4] Kucherov I. I. The right of money circulation: a course of lectures. M., 2013. 256 s.

[5] Sannikova L. V. Legal status of digital financial assets in Russian law. M., 2021. S. 142-146.

[6] Sitnik A. A. Digital currencies: problems of legal regulation//Actual problems of Russian law. 2020. VOL. 15, NO. 11. S. 103-113.

[7] Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//NW RF. 2020. No. 31 (part I). Art. 5018.

[8] Sannikova L. V. Legal status of digital financial assets in Russian law. M., 2021. FROM 20.

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ//SZ RF dated November 30, 1994. 1994. № 32. Art. 3301.

[10] Belousov A.L. Formation of the system of legal regulation of cryptocurrency turnover in the Russian Federation//Lawyer. 2026. № 02. S. 7-11.

[11] Federal Law of August 8, 2024 No. 223-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//NW RF. 2024. No. 33 (part I). Art. 4981.

[12] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994.

[13] Summary of judicial practice on issues related to the application of the law governing the statute of limitations (prepared by the Nizhny Novgorod Regional Court)//URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (date of appeal: 01.03.2026).

[14] The beginning of the limitation period//Official Internet portal of legal information of the Vologda Oblast. URL: https://pravo.gov35.ru/ (access date: 01.03.2026).

[15] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S. // URL: https://www.dechert.com/knowledge/onpoint/2025/7/crypto-chronicles.html (дата обращения: 01.03.2026).

[16] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994.

[17] Sitnik A.A. Digital currencies: problems of legal regulation//Actual problems of Russian law. 2020. VOL. 15. № 11. S. 103-113.

[18] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[19] Kucherov I. I. The right of money circulation: a course of lectures. M., 2013. S. 37.

[20] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994.

[21] Appeal ruling of the Moscow City Court dated March 26, 2021 in case No. 33-8559/2021// The document was not published. Access from SPS “ConsultantPlus.”

[22] Sitnik A. A. Decree. Op. S. 108.

[23] Appeal ruling of the Moscow City Court dated March 26, 2021 in case No. 33-8559/2021.

[24] Blockchain Technology and Digital Rights Protection: Legal Aspects of Statute of Limitations. M., 2025. FROM 25.

[25] Limitation period for claims for unjust enrichment//Selection of court decisions, ConsultantPlus Reference Legal System. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/srok_iskovoj_davnosti_po_iskam_o_neosnovatelnom_obogaschenii/ (дата обращения: 01.03.2026).

[26] Summary of judicial practice on issues related to the application of the law governing the statute of limitations (prepared by the Nizhny Novgorod Regional Court)//URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (date of appeal: 01.03.2026).

[27] Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (judicial practice on the application of limitation and fulfillment of obligations). Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 25.11.2025). Art. 314.

[28] Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ//SZ RF. 2002. № 46. Art. 4532 ; Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ//SZ RF dated July 24, 2002. 2002. № 30. Art. 3012.

[29] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of February 2, 2021 No. 44-KG20-17-K7// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. № 6.

[30] Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 “On Digital Financial Assets...

[31] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026 No. 2-P “In the case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law “On Digital Financial Assets...” in connection with the complaint of citizen D. I. Timchenko “//SZ RF. 2026. № 5. Art. 1024.

[32] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994.

[33] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[34] Summary of judicial practice on issues related to the application of the law governing the statute of limitations (prepared by the Nizhny Novgorod Regional Court)//Information and Legal Portal “Гарант.ру.” URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (access date: 01.03.2026).

[35] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 N 51-FZ

[36] Sitnik A. A. Decree. Op. S. 110.

[37] A. L. Belousov. Digital financial assets: issues of legal support development//Digital technologies and law. Kazan, 2024. S. 16.

[38] Federal Law of August 8, 2024 No. 223-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.”

[39] Federal Law of August 8, 2024 No. 221-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//NW RF. 2024. No. 33 (part I). Art. 4979.

[40] Kuzmichev M.G. Features of the legal regulation of cryptocurrencies: Japan, Australia and Switzerland//State power and local self-government. 2024. № 12. S. 39.

[41] The Property (Digital Assets etc) Act 2025: A Foundational Change to English Property Law // Will Writers Blog. URL: https://www.willwriters.com/blog/the-property-digital-assets-etc-act-2025-a-foundational-change-to-english-property-law/ (дата обращения: 01.03.2026).

[42] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[43] Kuzmichev M.G. Decree. Op. S. 40.

[44] Kuzmichev M.G. Decree. Op. S. 41.